

Кащевы байки

Возвышенный путь на двоих пьяных историков

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Москва, 2020

18+

Илья Сергеевич Елисеев
Кашеевы байки:
Возвышенный путь на
двоих пьяных историков

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55988066
SelfPub; 2020*

Аннотация

Кашеевы байки – это сборник рассказов, где каждый есть психоделическое путешествие за грань сознания, реальности и здравого смысла. В них встречаются старые боги, живые и мертвые люди, фундаментальные вопросы работы сознания, поданные в художественной форме и немного контркультурной лирики. Эта книга для тех, кто не особо дорожит своим здравомыслием, кому знаком хаос изнанки реальности и миражи измененных состояний сознания. Тайные тропки слов крутятся вокруг столь необъятного и столь человеческого, что иногда делается странно от подобий, выраженных в изумрудных таблицах и числовых соответствиях. Мы же немного проще и ниже, как трава и подлесок, пахнущий влагой. Эти истории про тех, кто иногда любит проползти своим чешуйчатым брюхом по старой хвое и обвиться тугими кольцами вокруг нагретого солнцем мухомора. Мы быстро высовываем раздвоенный язык

и пробуем воздух. Скоро будет гроза. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо предисловия	5
Возвышенный путь на двоих пьяных историков	8
Поезд от Владивостока до бесконечности	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вместо предисловия

Когда человек едет на поезде, он всегда смотрит в окно, даже если лежит, читает или ест. За стеклом сливается в единую линию пейзаж, воздействующий на внутренние бултыхания мозга всей силой деревьев, кустов, проводов и травы.

Пейзаж проникает даже сквозь сомкнутые душной плацкартной негой веки, пробивая себе путь шумом, мельканием и всякими стуками. Вот, к примеру, движение от Томска до Абакана летом какого-нибудь года. Воздух пережаренным на солнце крылом стучится в открытое окно, вагон пахнет и жужжит, а в голове удивительное безмыслие, прореженное необязательными разговорами.

Причем же тут степи и тайга? Все дело в скорости. Классики русской литературы много и пышно отдавали дань пейзажу – он и щемящий, и волнующий, и весь из себя тосливо-романтичный, утыканный березками (идиллических крестьянских дев, барина в коляске и грустных лошадок добавлять по вкусу до полной готовности). Если взять другую местность, то все равно эпитетов, метафор, аллюзий и другой услады пишущего человека будет все то же количество, густо обмазанное восторженными эмоциями. Но это статичное восприятие из глубины кресла-качалки, медленно трясущихся дрожек или с вершины особо высокого холма.

А мы движемся со средней скоростью 80 километров

в час. Соответственно, глаз воспринимает гораздо больше пейзажа, в целом, того же самого, что и век назад, за единицу времени. Когда человек отвлекается от окна, он все равно знает, что там, над его головой разворачивается великая идиллия. То есть, восприятие никуда не девается. И вот, через многострадальные нейроны несутся километры восхищения, радостно-грустной тоски и мечт, прочно зашитые в подкорку культурой. Преодолев критическую массу где-то за полчаса, рецепторы уже не в состоянии выносить столь плотную нагрузку и происходит аварийное отключение. Мозг выпадает в блаженный ступор, что выражается в неумеренном поглощении запасенной еды, необязательных знакомствах и неусыпном бдении в ожидании следующей остановки. В этом состоянии нет времени, нет обязательной личности или мыслей – все может быть каким угодно в зависимости от того, кто и что желает в данный момент.

Вот, к примеру, какой-нибудь государственный муж подумал бы такое, вывернувшись бритой шеей из воротника дорогой рубашки, закинул бы руки за голову и сказал:

"... поэтому на лицо необходимость в создании оргкомитета из инициативных и сознательных граждан. После надлежащих проверок, они разработают и утвердят государственную программу по заклеиванию всех окон подвижного состава синей изоляцией в два слоя, отмене поездов на территории страны и выдачи всем путешествующим непрозрачных повязок на глаза с обязанностью носить их все время пребы-

вания в дороге. Как временная мера может быть введена загрузка пассажиров социально полезной и особо нужной работой на добровольной основе на все время путешествия.

В противном случае прогнозируется расширение и углубление многолетнего проявления немотивированного удовлетворения от жизни, которое нарушает дисциплину и трудовую мотивацию населения. Если так будет продолжаться дальше, то примерно половина населения страны может оказаться в нирване, отринув охранение устоев и борьбу с происками заокеанских партнеров. Такой подход может побудить других граждан присоединиться к "беспечным ездокам на поездах", что отвлечет их от ежедневных обязанностей, уплаты налогов и повышения рейтингов доверия."

А мы все едем и едем, отмахивая километры, и в каждой голове по сосне, качающейся в такт завываниям ветра. Ну и пусть, все равно ничего и так толком не существует.

Возвышенный путь на двоих пьяных историков

Нет ничего более бессмысленного, беспощадного и вредного для мироощущения, чем два выпускника исторического факультета, встретившиеся через пять лет после окончания альма-матер. В стеклах очков мерцает полночная лампа, за окном переливается оранжевыми сполохами темная, хлюпающая шинами по лужам московская осень. Дети спят, жены бдят их сон, на столе потеет бутылка с сорокоградусной жижей, улыбающаяся пиратом в окружении лимонов. Казалось бы, вот она мизансцена для романтической кухонной пьянки в стиле «молодые ученые и будущее современного гуманитарного знания». О судьбы мира, о политическая повесть дня, о новые открытия и перспективы! Мы прорвемся в глубины дремучего прошлого, мы раскроем тайны мироздания и наконец-то принесем свет знания людям, мы, цвет научной интеллигенции в самом своем тридцатилетнем, активном соку. Теории, факты, домыслы, поспешные суждения и козыряние эрудицией. Весь опыт человечества, вся его подноготная лежит у наших стоп – нужно лишь протянуть руку и вписать свое имя на золотых скрижалях знания алмазным пером отточенного за годы интеллектуальной работы ума. Но почему-то разговор идет о деньгах.

—... и вот мои полставки — пятнадцать тысяч, через пару месяцев будет полная — двадцать пять. Плюс центр дополнительного образования, еще двадцать пять. Там еще какие-то интенсивы собирались ввести, может, накинут сверху...-

—...е...б...по голове, и нах... мне нужна была эта кандидатская? Восемь лет, с..., восемь! Я даже квартиру снимаю с грехом пополам...-

—...президентский грант, б...! Еще тридцатка в месяц на два года, и не дай бог у тебя рубль по чекам не сойдется. Прикинь, я недавно видел своего оппонента, доктора наук, на сайте для репетиторов. У неё ценник — тысяча за час. С..., проституция окупается лучше...-

Бутылка тает, и вместе с течением аквавиты в организм все чаще дробной медью звучит матерная россыпь, благо, она ничего не стоит. Научная интеллигенция курит в форточку, наплевав на приличия и пожарную безопасность, подставляя взъерошенные волосы промозглому ветру. Он пахнет водой, бензином, прелыми листьями и скорым снегом. Осень вступила в свои права, разметав среди новостроек свои влажные щупальца. С высоты девятого этажа хорошо видно, как ежятся прохожие в обрушившемся на Москву холоде, как резво и нервно спешат машины в бликах оранжевых огней и отсветов рекламных вывесок. От тепла недавно включенных батарей в квартире душно, как в гробу, но выйти туда, где идет хоть какая-то жизнь нет никакой возможности. Город горит ровным, равнодушным светом, не заме-

чая ничего, под низким небом, похожим на барахлящий телеэкран. Ни ему, ни кому другому нет дела до человека – он один пропал в этом океане из асфальта, бетона и стекла, растворился и стал очередной функцией, статистической погрешностью, которую позволительно не заметить. Два историка, один кандидат, а другой – нет, тупо пялятся в мерцающее окно. Раз за разом в одуревший от бессонницы и алкоголя мозг вонзается одна и та же мысль, сполохом ярчайшего света пронзая утомленные нейроны. Будущего нет. Ничего нет. Сплошные ошибки.

– Ну, вот смотри. Предположим, мы идиоты. Давай еще раз прокрутим всю последовательность. Итак, мы первый раз ошиблись...

– Когда поступили на истфак... – нервная усмешка, перерыв на опрокидывание стопки. – а я, заметь, еще хотел стать философом!

– Погоди, мы же не могли знать. Родители нам же говорили, что высшее образование необходимо. Так? Так. Мы верили? Верили. Вот мы и выбрали то, что было по душе. Скажи еще, что тебе твоя этнография с шаманами не нравится.

– Ой, а кто уже говорит про то, что нравится? Кстати, наши родители, если уж на то пошло, нас обеспечивали все это время учебы. Считай, идеальные условия, почти рай. Я работать пошел на четвертом курсе, и то ради своих заморочек, а не потому, что было надо.

Неловкое движение рукой опрокидывает пустую стопку.

Глухой стук стекла о застеленную дешевой клеенкой столешницу мягок и тягуч, зависая последним выдохом в паузе между словами. Время замирает, растягиваясь из прямой в спираль, в колесо с множеством спиц, на каждой из которых изображены диковинные звери. Что это, если не вечное движение из ниоткуда в никуда, в бесконечность из которой нельзя ни вырваться, ни остаться до конца? Идет малой поступью секунда за секундой, покачиваясь в такт танцу пылинки в ослепительно ярком свете лампы. Если бы был кто-то, кто мог бы шепнуть на ухо волшебные слова про мудрость, закон и воплощение, то вероятно все бы обернулось иначе, не так и не эдак. Но всего лишь миг, мгновение зависает картинка в мозгах у двух друзей, и невидимые часы снова делают свой шаг. Очищенный от всякого бытия свет, в котором все сущее растворилось без остатка, пропадает, тускнеет и снова превращается в обычную лампочку. Под её усталым взглядом, слепым и равнодушным ко всему, стопка замирает на краю стола. На лицах друзей невольно проступает слабая как тень от свечи усмешка. Давно они так не сидели, не пили и не говорили. И ведь раньше...

– Отставить отклонение от темы. Впрочем, да... Заметь, ты сразу пошел в журналистику, в аспирантуру попытался и забил сразу. А я пока кандидатскую писал, в основном зарабатывал, преподавая айкидо. И знаешь что? Я зарабатывал больше, чем сейчас в институте. Тренером. Просто уча детей кувиркаться – историк со степенью разрушил ступор во-

левым усилием. Расширенные сознания друзей вновь встали на рельсы прерванного диалога.

– Итак, первая ошибка – гуманитарный профиль. Вторая?

– Мы учились. А надо было работать. Или присосаться к политической партии.

– Продавать кроссовки или ж...?

– Ну, ты утрируешь. Карьеру то можно сделать.

Сверху раздался громкий звук. Отчаянный вой пылесоса рассек спертый воздух, громом ударив с верхнего этажа. Его гул пронизал несколько этажей спавшего усталым будним сном дома и растворился в бетонных перекрытиях, оставив после себя неявно дрожащее послевкусие. Историки проигнорировали это событие, привыкнув за долгие годы жизни в панельках к ночным звукам. Их вряд ли бы насторожили и хлопки выстрелов, не говоря уже о криках, ругани, хлопанья дверьми или любого вида музыки (разве что классика вызвала бы некий диссонанс, но тут как – связываться с включающим на полную катушку Шуберта за полночь в Чертаново Южном может только такой же суицидальный псих с обширным культурным багажом). Жители Москвы обладают уникальной способностью игнорировать реальность, не имеющую к ним прямого отношения. Так проще и безопаснее, и течение разговора не замедлилось ни на минуту.

– Да, путем бесполезного трепя, смирения плоти и духа во славу наращивания сала на брюхе. Я так врать не умею, даже пытаться не буду. Ты помнишь, как мы курсе на втором

говорили про «реальное дело»? Чтобы оно что-то значило. Чтобы верить в него. Хотя бы пользу приносить какую-то.

За спинами сидящих за столом друзей возник мужчина с ярко-синим лицом в пижаме со слонами. Его лицо было неувлимо похоже на все лица людей одновременно, и ни на одно из них в конкретике. Он как бы перетекал, плавился и вновь проявлялся через сгустившийся от напряжения воздух. Взглянув на историков с болью и жалостью, синий мужчина покачал головой и исчез.

– Потому мы и тут сидим. Пытались же. До пятого курса почти. А в итоге все оказалось детским садом. Или никому не нужным, что, в общем-то, одно и то же. Помнишь, как мы выступали на 9 мая?

Мелькнули чередой сполохи желтого, красного, зеленого и голубого пламени, на мгновение принимавшие формы многоруких людей на странных животных.

– Когда мне нос чуть не отрубили? Да, было дело. И весело, что характерно. А теперь... теперь выяснилось что все наши проекты – и спорт, и детское образование, и каналы, и все остальное просто никому не нужно. Ну и ладно, мы дураки, нам не везет, неумехи, все прое...! – на кухне потянуло могильным смрадом. Слова вылетали изо рта распалившегося историка – журналиста с плохо сдерживаемой злобной горечью. – Но почему на обычной работе я не могу на семью заработать? А? Вроде не ленюсь, вроде работаю как все, а иногда и больше, вроде ведь все время что-то делаю. Почему

мне не хватает денег? И это без путешествий, без дорогого бухла или шмотья! С...! Мне одежду родители дарят! Я ребенка с женой прокормить не могу! Что, тоже дурак?

Из стены высунулась когтистая рука и заскребла по обоям. Потолок оделся кольцами трупных червей, свивавшимися на грязной от пыли побелке в замысловатые мандалы. Забытый чайник обернулся отрубленной головой, тоскливо высунувшей обожженный, в волдырях язык. Её глаза часто моргали, слезясь пополам кипятком и кровавой слизью. Холодильник заворчал, утробно рыкая на стремительно гниющий на подоконнике кактус. По телам друзей поползла изморозь.

– А как же. И заметь – ты живешь в Москве, работаешь в теплом офисе, и тебе даже регулярно платят деньги. Снимаешь квартиру. Блин, да половина населения страны тебя удавит с такими жалобами! И меня заодно. У нас есть почти все... – невидящим взглядом кандидат проводил мокрицу, сбежавшую по его ладони на стол, и выпил залпом. Потянувшись за лимоном он едва не схватил вместо него отрезанный большой палец ноги с выкрашенным в красный цвет ногтем, вольготно развалившийся на тарелке, но чудом уцепился за истекающий соком фрукт. Пока он нес его ко рту, с него упала на стол пара опарышей.

– Ага, и в каждую минуту мы рискуем это потерять. Я тут недавно попробовал заболеть. В итоге – контракт надо сдавать, отчеты писать, и даже если у тебя температура под тридцать девять и ты блюешь дальше чем видишь, изволь

работать. Вольный, с... , художник. А если меня срубят не на два дня? Если на месяц в больничку? Что тогда? Или случится что не со мной? Какое может быть будущее, какие планы?

– Ну, можно повеситься. Или начать бухать.

С каждым словом на кухне темнело, становилось все темнее и глуше. Шуршали когти о хитин, капала слизь и тихо стонал разъедаемый органической кислотой живой бетон. Через стены проступали скорченные в муках лица и тела, живо пожираемые и тут же появляющиеся вновь. Граница света от лампы все сужалась, и где-то вдалеке, за шорохами и скрежетом можно было различить далекий голодный рев.

– С-с-спасибо на добром слове. Прямо бальзам на сердце. Знаешь, и ведь ты прав – наши проблемы да кому-нибудь еще. Родители живы-здоровы, есть еда, одежда, крыша над головой. Дети опять же, семьи. Только вот почему мне все время так страшно?

Кандидат наук уже почти полностью покрылся изморозью и с трудом мог открыть запечатанный льдом рот. В его глазах плескались в равной степени смирение и боль, свитые в единую спираль. Он что-то хотел ответить, но не смог вымолвить и слова – только мысль мелькнула в сознании, почти утратившем связь с реальностью. Вспучившаяся от жвал, панцирей и стрекота когтей тьма вплотную подобралась к их ногам.

Часы пробили три часа ночи. Лампа конвульсивно моргнула несколько раз и, почти погаснув, внезапно ярко вспых-

нула обжигающим, резким, чистым светом. На долю мгновения кухня пропала, растворившись в неземном сиянии, и вдруг журналист, весь покрытый сосульками, прянул головой, словно отгоняющий мух конь, и, разбросав вокруг себя голубоватые льдинки, ответил на невысказанную реплику товарища. Его слова скрылись за шипением сгорающих в адской печи гнева панцирей, когтей, мечей и прочих незваных гостей, они были не слышны и, прямо скажем, не были его словами. Кто-то или что-то говорило сквозь него, просвечивая электрическими разрядами через кости черепа, и так же в такт мерцал его товарищ, испуская голубоватые статические разряды. Слова падали сквозь пространство и время, будто высеченные в самой плоти мироздания, сталкивались и катились дальше, рождая содрогание в самом основании мира. Кто мог понять их смысл, да и был ли он? Почти вечность, за которую успело родиться и умереть с десятков вселенных, кухня купалась в обжигающем сиянии. Пропала тьма и все, что её населяло, потом истерлись стены и все, что было тварного. Исчезли и историки – остался только пронизывающий все свет, через который струился он сам и ничего больше. Потом прекратился и свет.

На секунду не стало ничего.

Из крана упала капля. Потом другая и третья.

Друзья недоуменно огляделись. Допитая бутылка ездил по столу под порывами холодного осеннего ветра. Что-то неуловимо поменялось, но никто не понимал, что именно.

Они встали из-за стола, закрыли окно и потушили свет. На их головы обрушилась ясная, кристальная трезвость, резко обнажившая все углы захламленной кухни. Говорить не хотелось, тем более что и сказать то было уже нечего. Пора было идти по домам. Два историка пожали друг другу руки и растворились в оранжевых московских сумерках. Ветер дул им в спину и лицо, толкая холодными пальцами через подворотни. Хотелось бы сказать, что каждый из них унес с этой встречи что-то свое, пусть малое, но сокровенное, но кто может быть в этом уверенным. Скажем, журналисту потом долго снились красные флаги над невозможной красоты зданиями и голос, твердивший об эволюции человечества как биологического вида. А кандидат наук, сообразно своему статусу, внезапно открыл в себе искусство стрельбы из лука, чем и занялся, окончательно наплевав на все науки разом. Но разве так бывает? Ведь никогда не было, и не могло и быть такого разговора... В самом деле, откуда у тридцатилетних историков время пить и жаловаться на жизнь? Не то время ребята, совсем не то. Работать надо, иначе кушать будет нечего.

Поезд от Владивостока до бесконечности

Свет падал через лес, оставляя свои части на всем, чего касался. Каждый луч отдавал немного себя стволам корабельных сосен, хвое, веткам, воздуху и траве, пробивавшейся через прошлогодние коричневые иголки. Солнце наполняло собой все сущее, растворяясь в неге и ярко-голубом небе. Можно было сказать, что его свет вдыхал жизнь в бытие, но это оказалось бы не совсем правильно – электровозу ленивое светило выдало только дополнительный нагрев корпуса и блики. Правда, надо признать, он выглядел празднично и нарядно, составляя вместе с соснами недурной тандем.

Тем более он двигался. Воздух, пыль, стук и специфический запах поезда, сладкий и пряный ликер из тягучей дороги и полусонного разговора в безвременном движении пробивались сквозь толщу воздуха и пространства к одним им известной цели. Поезд пребывал сразу в двух ипостасях, параллельно существовавших в одном и том же мире. С одной стороны, локомотив с вагонами являлись неодушевленным транспортным средством, питавшимся от электрических проводов для перемещения людей согласно утвержденному расписанию. С другой, поезд пропитался насквозь людьми, впитав в железную плоть множество проявлений их

сущности. Вот, к примеру, начальник поезда относился к своему зверю как к любимой корове. Понятное дело, рогатая скотина ему встречалась только в детстве, но выпитанный с молоком и творогом в деревенском доме образ накрепко засел в мозгу. Более того, развитию ассоциативного ряда помогла бабушка, ухаживавшая за Муркой (так звали её корову, ветераншу молочного труда) на глазах у изумленного городского внука. Кормить, убирать, лечить, гладить и доить животное, косящее круглыми глуповатыми глазами. Нельзя подходить сзади, а то как вдарит током... В общем, полезная и любимая тварь, которую надо применить на собственное благо, из головы начальника состава напрямую прикреплена к локомотиву, сообщив железяке ряд коровьих свойств. А если подсчитать, что лезло из голов других членов экипажа и пассажиров, то делается очевидно – поезд стал совокупностью самых разных феноменов...

– Позвольте, батенька. Где это видано, чтоб такие феномены существовали где-то помимо Вашей головы? – Ибрагим Иосифович цокнул языком. Звонкий щелчок совпал с перестуком колес, сообщив ему особую значимость. – Ваши наблюдения, Георгий Степанович, не скрою, крайне любопытны, но, все же, отдают по большей части литературой. Поезд – это машина, не более и не менее. Остальное придумывают люди.

– Люди? Люди что-то придумывают? Что они могут придумать? Эти... эти сомнамбулы даже не в состоянии осо-

знать свой текущий момент бытия во всем объеме, не говоря о более сложных структурах. Не-е-ет, дорогой мой антропоцентрист и скептик, – тут Георгий Степанович отодвинул кепку-аэродром на затылок и вытер потный лоб клетчатым платком. Вместе с движением ткани сменилось, будто смылось выражение лица, оставив в глазах спорщика пустое изумление. Он с сомнением взглянул на платок и засунул его во внутренний карман поношенного серого пиджака. Стало ясно, что мысль оказалась потеряна. Георгий Яковлевич поудобнее раздвинул ветки, уставился на Ибрагима Иосифовича и мечтательно вздохнул. – Впрочем, что мы с вами спорим, дорогой мой попутчик. Мысль, свойства всякие-такие, будто, тьфу, да поговорить больше не о чем. Вы лучше скажите, куда это мы едем.

– Во Владивосток. – Ибрагим Иосифович подпустил в голос насмешливого восточного акцента. Стало ясно, что этот высокий, худой и дочерна загорелый человек с внешностью лихого продавца арбузов имеет за душой как минимум два серьезных высших образования и одно такое, для развлечения и души. Когда он хотел, то его русская речь была безупречно, академически точной и выверенной, с риторскими интонациями, обрамлявшими смыслы, как бархат бриллианты. Так же изысканно и тонко Ибрагим Иосифович, как говорил лукавый прищур его глаз, мог говорить на французском, немецком, итальянском, английском, латыни и польском. Акцент же он допускал в качестве знака расположения

к собеседнику, некоей интимной ноты доверия.

Его собеседник, как бы отражая своего компаньона, являл собой архетип толстеющего агронома конца средних лет из колхоза-передовика. Георгий Степанович в сером шерстяном костюме, белой рубашке и давно вышедшей из моды кепке светился от бодрости и жизненной энергии. Толстая шея переходила в мощно бугрящийся от жира затылок, пальцы сжимали папки с документами, и победно торчал из нагрудного кармана обкусанный до дерева карандаш. Всем своим обликом он победно демонстрировал превосходство крепкого работающего человека над многочисленными трудностями жизни. Известие о точке назначения как раз было одной из них.

– Далековато. Даже очень. Так-то и Владивосток? – Георгий Степанович надул выбритые щеки. – Состав опять перекинули?

– Нет. Почему же. Просто вы забылись на секунду, так сказать, отразив противоречия сказанного. Коровы, разумные поезда, ноосферические эманации и прочие высокие магические материи, конечно, могут посетить наши умы, но все эти слова разбиваются вдребезги от простого факта. Мы едем во Владивосток в пустом купе, за окном тайга, и ветер несет нам запахи в открытую форточку. Как это зависит от человека? Да никак. Оно просто есть. А вот наш ум накладывает на все эти вещи свои обозначения, превращая объекты материального мира в последовательность знаков, окружен-

ных хороводом эмоций и ассоциаций. То, что мы воспринимаем, и то, что есть – две совершенно разные вещи. А раз так, – Ибрагим Иосифович сделал неопределенный жест, зацепив нежный цветок яблони. С ветки посыпались белые лепестки, – то и говорить о каких-то параллельных планах бытия нет никакой возможности, ведь они существуют только в вас и вашем восприятии. Для меня совершенно не очевидно, что поезд впитывает в себя качества, присущие его пассажирам. Это, простите, говорит о его качестве, которое нельзя никак проверить. Оно существует только в вашем уме, полете мысли и полуденного разговора. Вот у меня такого чувства нет.

– Эх Вы говорите. А сами мне пару часов назад рассказывали об объективности научного метода. Если, получается, у вас каждый ум воспринимает реальность по-своему, как же мы все договориться-то можем? Воля ваша, а я вот уверен, что мы воспринимаем реальность, пусть по-разному, но все-таки примерно одинаково. Глаза у нас одни и те же, руки, ноги, ливер весь и так далее. Полагаю, что и сверхчувственное восприятие, опытом которого я только что с вами поделился, также, вероятно, может быть одним и тем же, разве что с незначительными вариациями. И вот тут...

– Пстойте, постойте. А оно существует, это сверхчувственное восприятие? Мне кажется, что раз мы не можем сказать, что наш мир реален, то и про такие материи говорить уж как-то странно.

– А чего это он не реален?

– Извольте. Есть несколько доводов, но я выскажу любимые мной. Во-первых, доказано, что все, что реально для мозга, является реальностью и для тела. К примеру, для шизофреника или алкоголика в состоянии «белой горячки» его галлюцинации неотличимы от реальности, которую наблюдают все остальные люди. Более того. Убедить больного в том, что тревожащие его зеленые черти на самом деле выдумка и фикция не представляется возможным. Он не просто видит своих мучителей – он их осязает, обоняет, в общем, задействует весь спектр чувств. Опыты с гипнозом и всякими иными состояниями только подтверждает данный факт. Следовательно, мы не можем отличить объективную реальность от субъективной, находясь, так сказать, в плену у «технических» ограничений наших способов получения и обработки информации. Далее, во-вторых, когда мы говорим о любом феномене в реальности, то вынуждены коммуницировать с помощью слов. Слова же, – тут Ибрагим Иосифович откашлялся и закатил глаза, – представляют собой «среднее» значение смысла. Когда мы говорим любое слово, то всегда уповаем, что собеседник имеет в виду тот же самое. Как показывает мой опыт общения, особенно с прекрасным полом, такое происходит далеко не всегда. Более того, передать весь объем ощущений, ассоциаций, мнений, эмоций и всего-всего остального одними только словами совершенно не представляется возможным. Представьте, сколько всего

заключено в словах «война», «любовь», «мир», «человек»... Наш вид глубоко изолирован от всего происходящего вокруг самой конструкцией нашего восприятия и мышления, а вы говорите о каком-то сверхчувственном влиянии на окружающую среду. Так что... – Ибрагим Иосифович осекся и медленно повернул голову сначала в одну, а потом и в другую сторону. Дрогнули крылья мощного носа, наморщился аристократический лоб, и по всей поверхности купе прошла едва видимая судорога. Поезд тормозил.

Георгий Степанович тоже ощутил перемену. Он надел на голову кепку, расправил пиджак и быстро затараторил, оглядываясь на полузакрытую дверь купе:

– Ибрагим Иосифович, что-то мне кажется, сейчас нас прервут. Давайте в следующий раз, хорошо? Я и аргументацию подберу, и новые доводы подсобираю. А то щас проводник придет, и вся эта тряхомудия как завертится.

– Тряхомудия? Да, проводник уже близко. Мать твою, да чё этому черту не сидится? – Ибрагим Иосифович гневно встопорщился, разом растеряв весь свой лоск. – Сука, ну культурно же сидели, треп какой умный пошел. Нет, ёпте, идет будить, козел. Чё, ему, жалко что ли? Эти выйдут, а кто сядет?

– Дуй в кусты, нас щас спалят. Я те маякну. – Георгий Степанович прытко последовал своему совету и скрылся меж витиеватого цветочного орнамента. Не стало и Ибрагима Иосифовича, растворившегося между листьев и ветвей.

Металлические поверхности подстаканников, где гравировка обнимала гербовую доску, пошли легкой рябью и приобрели прежний вид.

В дверь постучали, сначала неуверенно, но потом все более и более настойчиво.

– До Иркутска полчаса. Полчаса до Иркутска. Просыпайтесь, до Иркутска... – голос закашлялся, раздраженно вздохнул и вполголоса ругнулся, неразборчиво костеря заспанных пассажиров. Было видно, что он негативно относится к дневным соням, особенно если последние выглядят то ли как студенты, то ли как профессора. Шут их разберет, но чаю они почти на пятьсот рублей выпили. Надо разбудить, а то опять из зарплаты вычтут...

За дверью началось шебуршание, сонные возгласы и заспанные благодарности проводнику. Затем и вовсе явились пассажиры, шатаясь под обещания сию минуту вернуть постельное белье и заплатить за чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.